

ности. Начиная с конца 50-х гг. и вплоть до начала XX в. они собирались раз в месяц в ресторане Донона и в непринужденной обстановке все-таки обсуждали темы финансово-экономической политики.

Вообще же деятельность Политико-экономического комитета помогла консолидации либеральных экономистов, вырабатывавших общие взгляды на существо мер экономической политики и затем проводивших их в своих научных исследованиях, публицистических работах и практической деятельности. Заложённая Комитетом основа экономических воззрений бесспорно продолжала сказываться и в дальнейшем, ибо все члены распущенного Комитета продолжали служить в министерствах, в том числе в министерских должностях (М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бушге, П. А. Валуев), в должности товарища министра (Ф. Г. Тернер, А. Г. Тройницкий) и т. д., и проводить по возможности свои идеи. Это были идеи развития частной предпринимчивости, фритредерства, подоходного налогообложения, европеизма.

М. М. ШУМИЛОВ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ КАК ФОРМА ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГУБЕРНАТОРОВ С МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (60—80-е гг. XIX в.)

Во второй половине XIX в. продолжалось развитие и усложнение делопроизводственных взаимоотношений между центральными и местными государственными учреждениями Российской империи. Изучение этих взаимоотношений имеет большой научный интерес, поскольку дает возможность полнее представить сам механизм государственного управления, степень его гибкости и эффективности.

Центральной фигурой в системе местного управления России был губернатор. Он официально считался «хозяином» губернии и главой местной администрации. Губернаторский пост был очень важным и престижным. По меткому определению В. И. Ленина, «губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во „вверенной“ губернии. . .»¹

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе анализа делопроизводственных документов выявить причины введения еженедельных губернаторских записок министру внутренних дел в 1864 г., то значение, которое им придавали в министерстве, и, наконец, отношение самих губернаторов к этой форме отчетности.

Своеобразие служебного положения губернаторов в XIX в. состояло в том, что, с одной стороны, они являлись личными пред-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 280.

ставителями императора на местах, призванными выполнять его волю, а с другой — чиновниками Министерства внутренних дел, которому были также подотчетны. Отметим, что назначение на губернский пост производилось императором по представлению министра внутренних дел. Губернаторы были обязаны сообщать в министерство «сведения о разных происшествиях, случающихся в губерниях, о возникающих там недоразумениях, столкновениях и других обстоятельствах».² В начале 60-х гг. XIX в. сведения эти поступали в министерство в виде отдельных представлений и сводных «срочных ведомостей о происшествиях». Они включались также и в годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов, копии с которых в обязательном порядке направлялись министрам внутренних дел.³ Губернаторские представления к министрам составлялись по особой, установленной законом форме.⁴ «Общий наказ гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г., являвшийся долгое время основным законодательным актом, определявшим статус этой должности, обзывал губернаторов посредством представлений откровенно, «не опасая поуждений. . . начальства, доносить. . . о всем важном и достойном внимания. . . присовокушили к тому и свое. . . заключение».⁵

Попытки отдельных губернаторов отступить от установленного порядка составления представлений вызывали отпор со стороны центральных правительственных учреждений. В частности, Министерство внутренних дел неоднократно запрещало это делать.⁶ Вместе с тем губернаторы по собственной инициативе могли направлять министру конфиденциальные представления. Ввиду секретности содержания конфиденциальные представления были «изъяты из обыкновенного порядка делопроизводства»⁷ и оформлялись каждым губернатором по-разному.

Что же касается ведомостей о происшествиях, то их губернаторы обязаны были представлять в министерство и Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии по определенным законом формам два раза в месяц. Всего было 19 ведомостей. Каждая из них предусматривала сообщение о различных видах условных преступлений, стихийных бедствий, о несчастных случаях и т. д. 19-я ведомость обзывала губернаторов сообщать о «буйстве и неповиновении законному начальству» с указанием на меры, принятые «для усмирения и наказания виновных». Примечание к закону гласило: «Сверх объясненных в сей форме предметов должно помещать в сей ведомости также и все прочие замечальные

² ЦГИА СССР, ф. 1282 (Канцелярия Министерства внутренних дел), оп. 3, д. 69, л. 8.

³ Подробнее см.: Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979. С. 146—150.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. 1857. Т. 2, ч. 1. Прил. к ст. 685.

⁵ ПСЗ II. 1837. Т. XII. Отд. 1. № 103303. Ст. 346.

⁶ См., напр.: Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО), ф. 138 (канцелярия губернатора), оп. 1, д. 2582, л. 35.

⁷ ПСЗ II. Т. XII. Отд. 1. № 103303. Ст. 346.

происшествия, которые по роду своему или важности должны быть известны правительству».⁸

Как видим, формы этих ведомостей предусматривали представление сведений практически обо всех происшедших на территории губерний событиях, даже не имевших особой важности. Однако губернаторы своевременно сообщали посредством ведомостей далеко не обо всех событиях и не так полно, как требовали того формы. В результате осведомленность о положении дел на местах и Третьего отделения,⁹ и особенно Министерства внутренних дел оставляла желать лучшего. Стремясь показать губернии в выгодном для себя свете, губернаторы сознательно умалчивали о целом ряде чрезвычайных происшествий или же, будучи введены в заблуждение своими подчиненными, непроизвольно завышали, а чаще всего занижали их цифры.¹⁰ В подтверждение этого приведем данные из предписания новгородского военного и гражданского губернатора В. И. Филипповича¹¹ «городским и земским полициям, частным и становым» от 27 мая 1860 г. В предписании указывалось, что некоторые из городских и земских полиций губернии по-прежнему продолжают составлять ведомости о происшествиях неполно и неудовлетворительно, представляя их довольно часто с большим опозданием. «Вообще обо всех происшествиях, о которых по каким-нибудь причинам не было сделано своевременного донесения, — отмечал губернатор, — умалчиваются полициями числа, в которые таковые случились, дабы этим скрыть несвоевременность донесения».¹²

Аналогичная ситуация наблюдалась и в других губерниях страны. В противном случае министру внутренних дел П. А. Валуеву незачем было бы 22 мая 1862 г., основываясь на сведениях, полученных от главноуправляющего Третьим отделением кн. В. А. Долгорукова, упрекать губернаторов в том, что они «о многих происшествиях в минувшем году не довели до высочайшего сведения».¹³ В связи с этим главам губернской администрации предписывалось «на будущее время иметь строгое наблюдение за своевременным доставлением и полнотою сведений о происшествиях».¹⁴ Однако и в дальнейшем не было ни необходимой полноты, ни своевременной отправки сведений в министерство и Третье отделение. Примером тому может служить выговор, данный министром 17 августа 1862 г. исполнявшему должность новгородского губернатора

⁸ Свод законов. . . Прил. к ст. 679.

⁹ В Третье отделение сведения о происшествиях помимо губернаторов представляли губернские жандармские штаб-офицеры.

¹⁰ Информация для двухнедельных ведомостей о происшествиях шла губернаторам от городских и уездных исправников, которые в свою очередь получали ее от частных и становых приставов.

¹¹ Военные и гражданские губернаторы управляли не только «гражданской частью». Им были подчинены расквартированные в рамках губерний войска внутренней стражи: губернский батальон и уездные инвалидные команды. С 1864 г. всех начальников губерний стали именовать губернаторами.

¹² ГАНУ, ф. 138, оп. 1, д. 2092, л. 8.

¹³ Там же, д. 2252, л. 19.

¹⁴ Там же.

И. И. Скарятину за то, что в ведомость о происшествиях за вторую половину июля были включены события, которые произошли еще в июне.¹⁵

В. Я. Скарятин через 10 дней после выговора предписал «всем городским и земским полициям» направлять ему сведения о происшествиях один раз в две недели «с объяснением, кто именно и когда первоначально донес о каком-либо случае».¹⁶ Однако не многим более чем через год он не без сожаления вынужден был констатировать, что «полицейские управления, несмотря на предписание от 27 августа 1862 года, продолжают помещать в представляемых ими ведомостях случаи происшествий очень поздно».¹⁷ На этот раз губернатор¹⁸ пригрозил уездным исправникам «строжайшими взысканиями» в случае неисполнения его предписаний.¹⁹ Однако и в дальнейшем исправники, частные и становые приставы о некоторых из происшествий или просто не доносили вышестоящим властям, или доносили, но с большим опозданием и в искаженном, выгодном для себя свете. Примерно то же самое имело место и в других губерниях страны. Губернаторы по-прежнему вынуждены были представлять в Министерство внутренних дел отрывочные сведения о происшествиях, не укладываясь в установленные сроки.

Между тем губерньские жандармские штаб-офицеры, подчиненные Третьему отделению, через посредство жандармов собирали сведения на местах более тщательно, чем приставы и исправники, и отправляли донесения в отделение более исправно, чем губернаторы. Это объяснялось, по-видимому, тем, что круг служебных обязанностей губернаторов и подчиненных им чиновников был значительно шире штаб-офицерских и жандармских.²⁰

Что же касается губернаторов, то они, будучи по закону «хозяевами губернии, блюстителями в оных неприкосновенности верховных прав самодержавия»²¹ отвечали практически за все, происходившее в их пределах. Обязанности губернатора были поистине необъятны. По данным И. Блинова, в 40-х гг. прошлого столетия губернатор вынужден был подписывать до 100 тыс. документов в год или 270 ежедневно. «Если предположить, — писал И. Блинов, — что они тратили на просмотр и подписание каждой бумаги одну минуту, то тогда окажется, что эта подпись бумаг занимала четыре с половиной часа ежедневно».²² А если учесть, что губернатор в соответствии с законом одновременно являлся председателем

¹⁵ Там же, д. 2092, л. 54.

¹⁶ Там же, л. 56.

¹⁷ Там же, д. 2252, л. 58.

¹⁸ В. Я. Скарятин был утвержден в должности губернатора 8 сентября 1862 г.

¹⁹ ГАНО. ф. 138, оп. 1, д. 2252, л. 58.

²⁰ Деятельность губерньских жандармских управлений выражалась в преследовании и поимке революционеров, усмирении народных волнений, в исполнении судебных приговоров, сборе сведений о происшествиях.

²¹ ПСЗ II. Т. XII. Отд. 1. № 103303. Ст. 1—2.

²² Блинов И. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 161.

в 15 различных комитетах, комиссиях и присутствиях,²³ то невозможность для него сколько-нибудь удовлетворительно исполнять все служебные обязанности станет очевидной.

Несмотря на предпринятые в 50-х гг. XIX в. меры по сокращению переписки, губернаторы по-прежнему должны были просматривать, подписывать, а иногда и исправлять тысячи бумаг, составленных по определенным формам. «Многочисленность форм подавляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь», — писал в 1855 г. курляндский губернатор П. А. Валуев.²⁴

Губернаторы своими донесениями или отсутствием их нередко ставили министров в затруднительное положение. Суть этого положения заключалась, по мнению П. А. Валуева, занявшего в 1861 г. пост министра внутренних дел, в том, что министр порой «не извещен о том, о чем извещены другие, и . . . вынужден выслушивать неблагоприятные суждения насчет бездеятельности, или невнимания, или неведения губернских начальников, не имея возможности с достаточною положительностью опровергать эти суждения».²⁵ Опровергать же различного рода «неблагоприятные суждения», по видимому, приходилось часто, так как Третье отделение, осведомленное о беспорядках и злоупотреблениях на местах через жандармов, не только сообщало о них министру, но и давало указания по устранению этих недостатков.²⁶ После того как в 1864 г. о ряде происшествий на местах в Министерстве внутренних дел узнали не от губернаторов, а из газет и писем частных лиц, П. А. Валуев решил ввести обязательное представление губернаторами кратких еженедельных записок на его имя по установленным формам № 1 и 2.

Форма № 1. «Секретно. Господину министру внутренних дел № . . . губернатора. Еженедельная записка месяца . . . года . . . № . . . 1. В губернском дворянском собрании NN числа возникло недоразумение о том-то. Дворянство постановило испросить по телеграфу разрешение министерства. Я предупредил о сем Ваше превосходительство шифрованной телеграммой от того же числа. 2. В NN уездах произошло несколько пожаров там-то. Распространяются слухи о поджогах. В городе говорят то-то. Мною приняты такие-то меры. Мое мнение такое-то. 3. Продолжаются в обществе толки о неправильных или неблагонамеренных действиях такого-то

²³ Губернаторы председательствовали в Губернском правлении, Приказе общественного призрения, Комиссии народного продовольствия, Строительной и дорожной комиссии, Оспенном комитете, Губернском комитете общественного здоровья, Отделении Коммерческого совета и Мануфактурном комитете, Комитете о коннозаводстве, Комитете рекрутском, Комитете земских повинностей и в Особом о земских повинностях присутствии, Статистическом комитете, Попечительном о тюрьмах комитете. В некоторых губерниях губернаторы были, кроме того, действительными членами Общества сельского хозяйства.

²⁴ Валуев П. А. Дума русского во второй половине 1855 года // Русская старина. 1893. Кн. 9. С. 509.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 69, л. 8.

²⁶ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 108.

отличного лица. Считаю их основательными и изложил мое мнение о том в конфиденциальном представлении такому-то министру от такого-то числа». Далее идет подпись начальника губернии.²⁷ Упоминание о поджогах не было случайным. Пожары в Симбирске в конце лета 1864 г. в правящих кругах империи прямо связывали с деятельностью революционеров.²⁸

Форма № 2. «Секретно. Господину министру внутренних дел №... губернатора. Еженедельная записка месяца... года... №... В течение минувшей недели ничего, заслуживающего особого внимания, не произошло». Далее идет подпись начальника губернии.²⁹

Как видим, еженедельная записка, составленная по форме № 1, должна была не только содержать сведения о происшествиях в губерниях, но и дать министру внутренних дел материал о том, что уже известно главам других ведомств. Тем самым П. А. Валуев, по-видимому, рассчитывал упрочить свой авторитет и влияние в правящих кругах империи. В условиях фактического отсутствия официального министерства³⁰ он всячески старался поставить свое ведомство над другими. Форма № 1 не требовала подробного перечисления сведений, о которых следовало сообщать в министерство. В ней приведен лишь примерный и краткий их перечень. Это было не случайно. П. А. Валуев, будучи еще курляндским губернатором, пришел к убеждению, что «внимательная и распорядительная деятельность постоянно стесняется формами делопроизводства».³¹ Тогда, в 1856 г., он заявил о необходимости «восстановить в делопроизводстве преобладание сущности дела над его бумажными формами».³²

Вот почему форма № 1 еженедельной записки являлась не столько формой в ее традиционном понимании, сколько примерным планом отчета. Это был новый, совершенно непримлемый в николаевское время (с его регламентацией всех сторон административной деятельности) прием управления, предоставлявший губернаторам несколько больший простор в деле отбора материала для донесений вышестоящим властям.

Попутно отметим, что еженедельным запискам, установленным П. А. Валуевым, предшествовал опыт еженедельной отчетности губернаторов во время подготовки крестьянской реформы.³³ Тогда правящие круги империи были крайне заинтересованы в правдивой и своевременной информации о положении дел на местах. Теперь же, в период общественного подъема, когда только что закончилось восстание в Польше, Литве и Белоруссии, когда правительство при-

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 69, л. 9.

²⁸ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 296, 418.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 69, л. 10.

³⁰ См. об этом подробнее: Чернуха В. Г. Конституирование Совета министров (1861 г.) // ВИД. Л., 1976. VIII. С. 164—184.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 908 (П. А. Валуев), оп. 1, д. 79, л. 9.

³² Там же, л. 46.

³³ См., напр.: там же, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел), оп. 241, д. 24, л. 1—348.

нимало меры к реализации земской и судебной реформ, вновь возникла потребность в точном политическом осведомлении. Секретным циркуляром от 10 октября 1864 г. министр внутренних дел П. А. Валуев обязал губернаторов еженедельно представлять на его имя записки по установленным формам.³⁴

Губернаторам строго запрещалось разглашать содержание циркуляра. В случае отставки бывший губернатор должен был лично передать циркуляр преемнику. В свои канцелярии губернаторы имели право давать лишь указание о том, как составлять и в какой форме писать еженедельные записки, но без всякой ссылки на Министерство внутренних дел. В результате у чиновников должно было сложиться представление, что все это делается исключительно по инициативе губернаторов. Отметим, что чрезвычайную секретность предполагалось соблюдать при пересылке записок и их хранении в министерстве. Еженедельные записки адресовывались непосредственно министру в конверте с надписью «в собственные руки». Затем они поступали в его особую канцелярию и там хранились. Это, отмечалось в циркуляре, позволит губернаторам в еженедельных записках «изъясняться без всяких редакционных предосторожностей, с полной открытостью, приписывая собственноручно то, что, казалось бы... неудобным вписывать рукою писца».³⁵

Все перечисленные меры предосторожности преследовали, таким образом, двоякую цель. Они давали возможность министру, с одной стороны, втайне от многих чиновников получать сведения из провинций, порой граничавшие со сплетнями, а с другой — в случае распространения в обществе слухов об этом свалить всю вину за нарушение тайны на губернаторов. Впрочем, на практике ему не всегда удавалось спрятаться за спиной губернаторов. Подтверждением тому служат циркулярные предписания министра губернаторам от 28 марта 1862 г. и от 31 октября 1864 г. В предписании от 28 марта 1862 г. отмечалось, что некоторые секретные циркуляры, адресованные губернаторам «по роду дел и видам правительства, не подлежащие оглашению, не только не сохраняются втайне, но даже перепечатываются в заграничных изданиях».³⁶

В ответ на это смоленский губернатор Ю. К. Арсеньев сообщил министру, что «все секретные бумаги... сохраняются в совершенной тайне, они хранятся у меня под ключом, и никто никогда не знает о содержании их, кроме меня и моего правителя канцелярии».³⁷ «Смело ручаюсь, — писал далее он, — что ежели подобные бумаги не только оглашаются, но даже перепечатываются в заграничных изданиях, то, конечно, копии с оных получают не из Смоленской губернии».³⁸ Вероятно, министр внутренних дел П. А. Валуев получил аналогичные заверения и от других губернаторов. Однако суть дела это не меняло. Секретное и в дальнейшем иногда становилось

³⁴ Там же, ф. 1282, оп. 3, д. 69, л. 8—10.

³⁵ Там же, л. 8 об.

³⁶ Там же, д. 15, л. 1.

³⁷ Там же, л. 6.

³⁸ Там же, л. 6.

широкоизвестным. Именно поэтому министр внутренних дел вынужден был тотчас после рассылки губернаторам форм № 1 и 2 еженедельных записок издать циркуляр от 31 октября 1864 г., в котором не без раздражения писал: «...некоторые из господ начальников губерний, получив от меня секретные сообщения, считают правильным и удобным передавать копии с этих сообщений другим должностным лицам. . . как служащим по назначению по правительству, так и служащим по выборам. . . Подобного порядка действий я не только не могу признать правильным и удобным, но даже и не мог предусмотреть, чтобы кто-либо из господ начальников губерний имел другой взгляд на этот предмет».³⁹ В целях сохранения тайны П. А. Валуев распорядился некоторым губернаторам, не пользовавшимся его доверием, циркуляры не направлять. Так, циркуляр не был направлен оренбургскому губернатору Г. С. Аксакову, вскоре уволенному с занимаемого поста. Его преемник, как человек более надежный, циркуляр получил. Попутно отметим, что для второй половины XIX в. была характерна частая замена губернаторов.⁴⁰

Иногда случалось, что вновь назначенный губернатор не находился в делах своего предшественника циркуляра от 10 октября 1864 г. Об этом, например, сообщил 10 января 1869 г. в министерство А. Г. Казначеев, только что получивший губернаторскую должность в Калужской губернии.⁴¹ Что же касается Министерства внутренних дел, то там строго следили за своевременным представлением губернаторами еженедельных записок. С этой целью 2 сентября 1865 г. была составлена для министра П. А. Валуева ведомость, фиксирующая дату поступления последней записки от каждого губернатора. Из нее видно, что последние записки поступили в министерство от двух губернаторов в июле, а от 12 — в августе того же года.⁴² Вместе с тем оказалось, что от харьковского и петербургского губернаторов последние еженедельные записки поступили в декабре 1864 г., от исковского — в марте 1865 г., а эстляндский губернатор так ничего и не представил, хотя содержание циркуляра от 10 октября 1864 г. ему было известно.⁴³

Как видим, целый ряд губернаторов далеко не педантично выполняли предписания министра, который указал им на это. Разумеется, в каждом отдельном случае могли быть самые разнообразные причины, обусловившие нерегулярное представление губернаторами еженедельных записок в Министерство внутренних дел. Однако основной среди них все же было «бумажное многоделие»,

³⁹ Там же, ф. 1284, оп. 45, 1884 г., д. 159, л. 2.

⁴⁰ С 1866 по 1878 г. в 53 губерниях сменился 171 губернатор. За этот период в Московской губернии сменилось 7 губернаторов, в пяти — по 5, в пятнадцати — по 4, в восемнадцати — по 3, в одиннадцати — по 2 и лишь в трех губерниях (Иркутской, Курской и Новгородской) губернаторами были лица, получившие эту должность ранее апреля 1866 г. (*Оржеховский И. В.* Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х годах XIX века. Горький, 1974. С. 79).

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 63, л. 93.

⁴² Там же, л. 91.

⁴³ Там же.

в котором главы губернской администрации по-разному отличали первоочередные дела от второстепенных обязанностей.

Губернаторы, несмотря на указания П. А. Валуева, и в дальнейшем не всегда регулярно представляли еженедельные записки в Министерство внутренних дел. В противном случае его преемнику на министерском посту А. Е. Тимашеву незачем было бы в феврале 1876 г. напоминать эстляндскому и лифляндскому губернаторам о точном исполнении циркуляра от 10 октября 1864 г.⁴⁴

Своевременное представление еженедельных записок оказывалось трудноисполнимым делом. Частая периодичность их представления затрудняла возможным делом. Частая периодичность их представления затрудняла возможность проверки губернаторами сведений, получаемых из уездов, особенно цифрового характера. Они, как уже отмечалось выше, не всегда отражали реальную действительность. А губернаторы вследствие этого порой оказывались в курьезном положении. Так, новгородский губернатор Э. В. Лерхе, составляя всеподданнейший отчет за 1869 г., не без удивления заметил, что по двухнедельным ведомостям о происшествиях по Устюженскому уезду, доставлявшимся ему в течение года, значится лишь один пожар, а по только что полученным сведениям для годового отчета их уже было 19.⁴⁵

В целом еженедельные записки содержат в себе самый разнообразный материал, отражающий настроения дворян, классовую борьбу рабочих и крестьян, деятельность органов земского и городского самоуправления, отношение представителей различных сословий к администрации и т. д. Так, в феврале 1865 г. новгородский губернатор доносил о продолжающихся поджогах помещичьих усадеб в Крестецком уезде,⁴⁶ а псковский, сообщая об открытии губернского дворянского собрания, писал министру, что среди дворян были попытки «выступить с заявлением, подобным московскому адресу».⁴⁷

В начале 1865 г. Московское дворянское собрание приняло адрес на имя царя, в котором говорилось о необходимости созыва «общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству», и «второго собрания из представителей одного дворянского сословия». Этот адрес вызвал большой переполох в правящих кругах империи. Ответом на него стал рескрипт Александра II министру внутренних дел от 29 января 1865 г., осуждавший действия московских дворян и провозглашавший «исключительное право самодержца на инициативу в деле государственного преобразования».⁴⁸

Иногда в еженедельных записках губернаторы не только констатировали происшествия на территории губерний, но и предлагали провести ту или иную реформу, касавшуюся государственного

⁴⁴ Там же, л. 98—99.

⁴⁵ ГАНУ, ф. 138, оп. 1, д. 2538, л. 56 об.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 69, л. 70 об.

⁴⁷ Там же, л. 72 об.

⁴⁸ Подробнее см.: *Нардова В. А.* Законодательные документы 60-х годов XIX в. об адресах на «высочайшее имя» // ВИД. Л., 1978. IX. С. 277—278.

управления в целом. В качестве примера приведем данные из еженедельных записок новгородского губернатора Э. В. Лерхе. В феврале 1882 г. Э. В. Лерхе ставил в известность министра внутренних дел Н. П. Игнатьева о том, что ряд лиц, недавно награжденных медалями, не получив их, сетуют на «индифферентность высших властей», а «земства. . . дозволяют себе не исполнять требования закона». ⁴⁹ Одновременно он высказал предложение о ликвидации самостоятельных акцизных управлений, занимавшихся сбором налогов с владельцев питейных заведений, и присоединении их к казенным палатам, подведомственным Министерству финансов. ⁵⁰ Ранее на необходимость такого рода реформы Э. В. Лерхе дважды указывал в годовых всеподданнейших отчетах. ⁵¹ Отметим, что сходную позицию по этому вопросу занимали и другие губернаторы. В конечном счете неоднократные представления губернаторов побудили Министерство финансов расширить сферу деятельности акцизных управлений на несколько губерний. Это привело к сокращению их общего количества в империи.

Вообще содержание еженедельных записок во многом определялось индивидуальными особенностями каждого губернатора. Тот же Э. В. Лерхе, совершенно игнорируя форму № 1 еженедельной записки, сообщал, например, 19 апреля 1882 г. министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву о том, что в 3-м номере журнала «Русская мысль» в статье А. А. Головачева о государственном бюджете на текущий год «порицаются действия правительства и в смешном виде представляется финансовое управление страны». ⁵² В связи с этим губернатор писал, обращаясь к министру: «Не изволите ли признать полезным изъять подобную статью из обращения в публике?». ⁵³ Н. П. Игнатьев немедленно приказал директору Главного управления по делам печати П. П. Вяземскому обратить внимание на статью А. А. Головачева. В конечном счете она, по-видимому, не была признана неприемлемой для правительства, так как в следующем номере журнала вышло ее продолжение. ⁵⁴

Надо сказать, что новгородский губернатор Э. В. Лерхе, по свидетельству бывшего председателя губернской земской управы Н. Н. Фирсова, «принадлежал к. . . типу губернаторов. . . во многих отношениях. . . удобному для министров. Он благоговейно старался исполнять не только предначертания, но и предупреждать желания данного министра и начальника его канцелярии. Хотя случалось, что, усердствуя не по разуму, иногда оправдывал русскую пословицу об усердии до расшибания лба при молитве, но промахи эти

⁴⁹ ЦГИА СССР. ф. 1282, оп. 2, д. 183, л. 3.

⁵⁰ Там же. л. 6.

⁵¹ Там же, ф. 1281 (Совет министра внутренних дел), оп. 7, д. 25, л. 49; ф. 1284, оп. 67, д. 125, л. 23, 161.

⁵² Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 183, л. 11 об.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Головачев А. А. Государственная роспись на 1882 год: (продолжение) // Русская мысль. 1882. Кн. 4. С. 147—161.

охотно прощались министрами).⁵⁵ В противном случае он не смог бы удержаться на губернаторском посту около 18 лет.

Между тем с течением времени многие губернаторы перестали обращать на еженедельные записки должное внимание. В результате последние превратились в простые отписки. Это было следствием дублирования различного вида донесений. Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой в сентябре 1883 г. писал: «Я почти без исключения получаю еженедельные записки в продолжение долгого времени такого содержания: „В течение прошедшей недели никаких происшествий не было или случалось такое-то происшествие, о нем донесено тогда-то“». ⁵⁶ Ни то, ни другое его не устраивало. «В первом случае, — отмечал министр, — нельзя допустить, чтобы в губернии в управлении многих ведомств, земских и сословных учреждений и в общественной жизни не произошло. . . ничего такого, что не заслуживало бы особого внимания. Во втором случае, — продолжал далее он, — опять не достигается цель записок, ибо о всяком чрезвычайном происшествии и без того начальники губерний обязаны доносить тотчас после совершения происшествия. . .».⁵⁷

Таким образом, записки повторяли то, что было уже известно министру. Бесполезность их была очевидна. Однако Д. А. Толстой не только не упразднил эту форму отчетности, а, наоборот, попытался придать ей особо важное значение. По его мнению, министр внутренних дел был «обязан иметь самые точные и положительные сведения обо всех случаях, происходящих и в столицах, и в провинциях, даже кажущихся на вид мелочными».⁵⁸ Этого он намеревался достигнуть через разного рода донесения губернаторов, не исключая и еженедельные записки, если, конечно, на составление их «будет обращено серьезное внимание».⁵⁹ По твердому убеждению министра, губернаторы «всегда имеют средства знать все вернее и полнее всякого частного лица и всех должностных лиц посторонних ведомств».⁶⁰ Следовало лишь добиться того, чтобы их многочисленные донесения не дублировали друг друга.

В министерстве 4 ноября 1883 г. в обстановке чрезвычайной секретности был подготовлен и отпечатан циркуляр губернаторам, требовавший от них «с настоящего времени точного соблюдения циркуляра 1864 г.».⁶¹ При этом циркуляр от 4 ноября 1883 г. давал лишь общие указания насчет того, что «должно быть сообщаемо» в еженедельных записках, не устанавливая для них никаких особых форм. По мнению составителей циркуляра, формы могли только «стеснять» губернаторов. Итак, еженедельные записки представля-

⁵⁵ Фирсов Н. И. Силуэты времени реформ: (Воспоминания шестидесятника) // Ист. вестн. 1910. № 3. С. 863.

⁵⁶ ЦГА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 25, л. 6.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 6 об.

⁵⁹ Там же, л. 16.

⁶⁰ Там же, л. 7.

⁶¹ Там же, л. 16.

лись теперь губернаторами в произвольной форме при соблюдении некоторого единства их содержания. Дело в том, что циркуляр требовал сообщать в министерство «обо всех явлениях общественной жизни, о характере деятельности должностных лиц всех ведомств, об общественном их положении, взаимных отношениях, о заслуживающих внимания постановлениях общественных и сословных учреждений, о происходивших прениях, о готовившихся заявлениях, суждениях, о взглядах общественных деятелей и вообще лиц, имеющих влияние в той или другой сфере или местности на современное положение дел, на те или другие мероприятия правительства, состоявшиеся или предполагаемые, о существующих партиях, их отношениях между собой и к правительственной власти, о сколько-нибудь замечательных происшествиях и тому подобное».⁶²

Как видим, круг вопросов, которые должны были найти отражение в еженедельных записках, вообще не ограничен. Рассматриваемый циркуляр предоставлял губернаторам еще больший простор в деле отбора материала для еженедельных записок, чем предыдущий. Они могли сортировать его так, чтобы еженедельные записки не повторяли содержания других донесений. На практике это получалось не всегда и далеко не у всех губернаторов, но зависело целиком от них. Относительно порядка составления, пересылки и хранения еженедельных записок циркуляр от 4 ноября 1883 г. не вносил ничего нового в сравнении с предыдущим. Да и вообще он мало чем отличался от циркуляра 10 октября 1864 г. Его основное назначение, на наш взгляд, состояло в том, чтобы «возобновить в памяти» губернаторов циркуляр 10 октября и побудить их к регулярному представлению в Министерство внутренних дел еженедельных записок.

Однако, как видно из справки «О представлении еженедельных записок начальниками губерний согласно циркуляру от 4 ноября 1883 года по пятое апреля 1884 года»,⁶³ достичь поставленной цели министру все же не удалось. За это время из 59 губернаторов по одной записке представили в министерство 9, по две — 6, по три — 5 губернаторов. Ни одной еженедельной записки не поступило от 6 губернаторов. Больше 10 записок отправили в министерство только 14 губернаторов. И лишь один — тверской губернатор — представил 20 еженедельных записок.⁶⁴ Из приведенных выше цифр видно, что эффект от вступившего в силу 4 ноября 1883 г. циркуляра министра внутренних дел был ничтожен. Ряд губернаторов его просто игнорировали. Большинство же не выполняло требования циркуляров от 1864 и 1883 гг. о своевременном представлении в Министерство внутренних дел еженедельных записок.

⁶² Там же, л. 16 об.

⁶³ Там же, л. 23—24.

⁶⁴ Там же, л. 23 об.